

КРАЖА (РАССКАЗ)

О жизни героя Израиля Иосифе Вольфовиче Трумпельдоре написаны романы, повести, рассказы, многие из которых основываются на книге воспоминаний его друга Давида Лейбовича Белоцерковского, изданной на русском языке в Берлине в 1924 году. Однако ни в одном произведении не отражён факт из жизни И. Трумпельдора, связанный с кражей пяти винтовок системы «Мосин». Автор своим рассказом «Кража» решил дополнить этот эпизод, связанный с жизнью этого легендарного человека.

Иосиф Владимирович (Вульфович) Трумпельдор

יוסף טרומפלדור (Йосеф ТРУМПЕЛЬДОР)

Дата рождения   **21 ноября (3 декабря) 1880**

Место рождения   **Пятигорск, Терская область, Российская империя^[1]**

Дата смерти	1 марта 1920 (39 лет)
Место смерти	Тель-Хай, Британский мандат в Палестине
Принадлежность	 Российская империя, Великобритания, Палестина (отряды еврейской самообороны)
Род войск	пехота
Годы службы	1902—1906, 1915—1920
Звание	прапорщик Российской армии, капитан британской армии
Часть	27-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, Еврейский легион, Ха-Шомер
Командовал	Еврейский легион
Сражения/войны	Оборона Порт-Артура, Дарданелльская операция, защита Тель-Хая
Награды и премии	
В отставке	студент юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, работник кибуца Дгания

1905 год. Иосиф Трумпельдор в японском плену. На стене надпись: «Сыны Сиона среди пленных в Японии»

«Ты отправляешься в страну Израиля не для духовного очищения, не для удовлетворения своих желаний, а ради самой страны, ради всего еврейского народа. Ибо с возрождением страны, народ воспрянет и освободится от вечных унижений».

Иосиф Трумпельдор

Из книги Д.Л. Белоцерковского «Жизнь Иосифа Трумпельдора», изданной в Берлине в 1924 году:

«В конце ноября 1902 года из казармы 13 роты 76 Кубанского полка, где Иосиф Трумпельдор начинал свою армейскую службу, было похищено пять винтовок системы «Мосин». В краже был обвинён рядовой 76го Кубанского полка Иосиф Трумпельдор. Его арестовали, отправили на гауптвахту и ему грозил расстрел».

КРАЖА.

Дмитрия Самсоновича Менделева, действительного тайного советника второго класса, провинциальный городишко Тульчин встретил небывалым для этого времени года снегопадом. Колёса брички застревают в снежных сугробах, и кучер с большим трудом заставлял измученных лошадей передвигаться к казармам семьдесят шестого пехотного Кубанского полка. Облокотившись локтем на жёсткий фибровый чемодан и закутавшись в одеяло из верблюжьей шерсти, господин Менделев вяло разглядывал унылый и до противного однообразный городок.

- Прибыли, господин следователь, - дверь открылась, и кучер, вытирая рукавом вспотевший лоб, протянул руку, помогая тайному советнику отбросить одеяло и выйти из брички.

- Здравствуйте, - слышался сбоку чей-то охрипший голос, - ждём вас уже вторые сутки.

Господин Менделев повернул голову. Перед ним стоял высокий и статный полковник гусарского телосложения и гусарской выправки. Прямоугольное и обветренное лицо с глубокими вертикальными морщинами вдоль щёк, пронизательный взгляд голубых глаз и тонкая сеточка горизонтальных морщинок по всему широкому лбу наводили на мысль, что этот человек отважен и не глуп.

- Деянышев. Николай Максимович, - полковник стянул прилипшую к ладони лайковую перчатку и протянул гостю руку.

- Менделев. Дмитрий Самсонович, - тайный советник пожал протянутую ладонь, и скучающим взором оглядел казармы и серо-свинцовое небо, которое сыпало и сыпало снег, - какой-то муторный ваш городишко.

- Что вы, что вы, - взяв приезжего под руку, и провожая его в гостевую комнату, простуженно басил полковник, - здесь есть всё, что требуется цивилизованному человеку. Театр, музей, магазины, очень даже приличный ресторан для офицеров и прочей интеллигентной публики, и, конечно же, домики с красными фонарями. Их у нас целых три. Два для солдат, и один для офицеров.

Полковник открыл выкрашенную жёлто ядовитой краской дверь, и господин Менделев, войдя в выделенную для него гостевую комнату сморщился и подумал, что надо как можно скорее закрыть это уголовное дело, чтобы тут же смотаться с этого дохлого места в родную Винницу. Комната, где ему предстояло жить, пахла дустом, плесенью и тараканами. Широкий коричневый диван был стар, и не вызывало сомнений, что он видел виды, потому что его когда-то богатая кожа была протёрта не одним десятком человеческих тел.

- Я хочу сегодня же встретиться с преступником. В Виннице у меня скопилось слишком много дел.

Полковник засунул руку в карман кителя, вытащил тяжёлые швейцарские часы и отщёлкнул серебряную крышку:

- Час тридцать. Вы, я думаю, чертовски голодны. Давайте пообедаем. Преступник надёжно заперт.

Господин Менделев вздохнул. От возрастающего чувства голода начинала кружиться голова и тошнило.

- Ваше предложение принято. Нормальный человек должен питаться не менее трёх раз в сутки, а я сегодня даже не завтракал.

*

После плотного и сытного обеда очень хотелось растянуться на диване и уснуть. Но господин тайный советник протёр щёки и лоб только что выпавшим снегом, и, с трудом справляясь с подкатывающейся к горлу зевотой, направился в сторону гауптвахты. Едва войдя в камеру, господин Менделев сморщился от запахов сырости, плесени и человеческого пота, а когда глаза уже привыкли к полумраку, он разглядел, что на деревянном топчане сидит статный, высокий и стройный кавказец, и внимательно разглядывает его из-под прикрывающих глаза, пушистых и длинных ресниц.

- Красавец, - с завистью подумал господин Менделев, - курсистки, вдовы и прочие экзальтированные дамы, мечтают о таких мужиках, как этот, и способны ради них на опрометчивые и необдуманные, а иногда и на геройские поступки. Но он совсем не похож на еврея. Может быть, это не та камера?

- Вы рядовой тринадцатой роты Иосиф Трумпельдор? – спросил тайный советник, надеясь, что сейчас прозвучит отрицательный ответ, и он сможет тут же покинуть это мрачное и дурно пахнущее помещение.

- Так точно, - чуть слышно сказал вытянувшийся по стойке смирно кавказец.

- Но вы совсем не похожи на еврея.

- Есть достаточно известные люди, которые очень похожи на евреев, но они это пытаются всячески скрыть, и это им не всегда удаётся.

- Вы знаете таких людей? – господин тайный советник чувствовал, что от этого не совсем обычного еврея исходит энергия, заставляющая прислушиваться и повиноваться, и ему становилось интересно, что же ещё скажет этот молодой человек.

- Я вам назову двух таких людей. Первый, это великий русский поэт Афанасий Фет. На самом деле его настоящая фамилия Шеншин, и он, чистокровный еврей, который пытался всячески это скрыть.

- Согласен.. ..Кто же второй? – нарушил наступившее молчание господин Менделев.

- Вы не представились, - улыбнулся Трумпельдор. Вы обо мне знаете всё, но я о вас – ничего.

- Действительный тайный советник второго класса, следователь военной прокуратуры, Дмитрий Самсонович Менделев! – с гордостью заявил, сидящий напротив Трумпельдора человек.

- Второй, это вы, господин тайный советник, - голос Трумпельдора был спокоен и решителен. Так могут говорить только очень уверенные в себе люди.

- С чего вы это взяли, - прошептал господин тайный советник, с опаской взглянув на закрытую дверь.

- Так... Общие впечатления... Форма лица, глаз, носа, и ещё, что-то неуловимое, но очень важное, то, что вы пытаетесь всячески скрыть, но получается это не всегда, - Трумпельдор внимательно посмотрел на сидящего перед ним человека и продолжил, - я думаю, что когда-то вы были просто Мендель, отчаянным и драчливым еврейским мальчуганом. Но потом что-то заставило вас креститься, и красивую еврейскую

фамилию Мендель вы изменили на Менделев. Вам пришлось изменить и имя. Как вас раньше звали? Давид?

- Яков..., - растеряно произнёс господин Менделев, и достал из кармана брюк матерчатый кисет, пытаясь набить табаком свою шотландскую трубку, - но это было очень давно,... сон детства,... никому не нужные воспоминания....

- А теперь скажите мне, Трумпельдор, честно. Без вранья. Как еврей еврею. Ну на хрена вам сдались эти проклятые трёхлинейки Мосина? Хотели продать? Продали? За сколько?

- Кому-то было очень нужно обвинить меня в воровстве, господин следователь. Я не первый и не последний еврей, которого обвиняют в том, что он не совершал.

- Очень может быть. Но факты вещь упрямая, а они против вас.

- Факты? Какие?

- Все винтовки пропадали как раз в те самые ночи, когда вы не ночевали в казарме. Это было всегда с субботы на воскресенье. Многие солдаты в эти дни ходят в бордель. Думали, что и вы проводите ночи там же. Но вы там ни разу не появлялись. Где вы проводили время?

Трумпельдор молчал.

- Молчите? Вам просто нечего сказать в своё оправдание. Ваше молчание только усугубляет вашу вину. Боюсь, что за хищение государственного имущества вас приговорят к расстрелу, - таинственно и зловеще произнёс господин Менделев. Но ни один мускул не дрогнул на лице Трумпельдора. Оно выражало равнодушие и спокойствие.

- Вы железный человек, господин Трумпельдор. Жаль, что вы не желаете облегчить свою участь признанием.

- Кстати, где здесь ближайший магазин? Никак не могу без курева. Завтра утром мы встретимся. Сегодня мы немного познакомимся, поговорили.... Завтра вы должны будете признаться в содеянном. Прощайте.

*

Дмитрий Самсонович Менделев всегда испытывал крайнее чувство неудобства, когда заканчивался табак в его курительной трубке, и поэтому, выйдя из камеры, он быстрым шагом направился в сторону ближайшего магазина. Скрипел под ногами пушистый снег, лёгкие глотали удивительно чистый и прохладный воздух, тяжёлое и сонное светло бардовое солнце медленно уплывало в сторону горизонта, радостные и быстрые удары сердечной мышцы разгоняли по сосудам, венам и капиллярам горячую и густую кровь, и казалось тайному советнику, что жизнь его волшебна, загадочна, прекрасна и удивительна, и ему вовсе не хотелось думать о каком-то еврейском парне, дантисте по профессии, который смотрит на всю эту красоту через за решётчатое окно, и которого совсем скоро расстреляют, или вышлют на пожизненную каторгу в Сибирь.

Подойдя к выложенному из красного кирпича домику, над дверью которого висела вывеска «Всякая всячина от Сары», тайный советник остановился, задумался, потёр ладонь об ладонь, и решительно открыл дверь, сколоченную из шлифованных сосновых досок. Это была обычная деревенская лавка, на полках которой вперемежку стояли коробки со спичками, стеариновые свечи, табак махорочный и нюхательный, бутылки заполненные водкой, спиртом, скипидаром, керосином и подсолнечным маслом, большие мешки, наполненные чёрным байковым чаем и серой мукой, куски грубо нарубленного сахара, мыло, пахнущее дустом, и похожее на тёмно-коричневый пластилин, дорогие офицерские папиросы и сигары, белые сухари, пересошенная халва, тяжёлые хлебные кирпичи ржаной выпечки, и многое, многое

другое, что только сможет понадобится офицерам и солдатам 76 пехотного Кубанского полка, расквартированного в городе Тульчин Подольской губернии. Но всю необычность лавке придавала её хозяйка. Стройная и высокая, красивая и решительная, она относилась к тем редким женщинам, ради которых мужчины готовы оставить тех, которых когда-то любили, и к которым были привязаны.

- Неплохо было бы закрутить провинциальный роман. Ей, наверное, лет тридцать пять, не больше, - подумал господин тайный советник, вплотную подойдя к прилавку и широко улыбаясь всеми тридцатью двумя здоровыми зубами, сказал:

- Я понял, что вы та самая Сара, у которой можно будет купить всякую всячину.

- Что вы хотите купить? – глаза Сары были прохладны, и она даже не ответила улыбкой на улыбку. Но это была та самая прохлада, под которой угадывался огонь страсти, способный прожечь даже очень чёрствые сердца.

- Как этот еврейчик? Расколосся? – звук, полный ехидной насмешки, шедший откуда-то сверху, из пустоты, заставил господина Менделева поднять голову. Справа, почти рядом, стоял очень высокий и худой фельдфебель, круглый и небольшой череп с выпяченными вперёд толстыми губами, и приплюснутым носом придавали лицу лошадиное выражение, широкие и толстые зубы отдавали желтизной, а изо рта шёл неприятный запах, - разбогатеть хотел, гад, - фельдфебель рассмеялся и протянул господину Менделеву тяжёлую мясистую ладонь.

Господин тайный советник сделал вид, что не заметил протянутой руки и обратился к хозяйке магазина:

- Обслужите, пожалуйста, этого господина. Мне нужно поговорить с вами.

- Что вы хотите купить, господин фельдфебель? – в голосе Сары слышны были отчаяние и страх.

- Не могу мешать вам. Зайду позже, - угрожающе рыкнул фельдфебель, и рыжие щетинки его проволочных усов поползли вверх, придавая лошадиному лицу угрожающее выражение, - фельдфебели управляют армиями, - прорычал он и с силой захлопнул за собой дверь.

Господин Менделев внимательно посмотрел в глубокие, чёрные, как уголь, глаза, и сказал:

- Сара, в таких лавках обычно хозяйничают мужчины, поэтому я готов предположить, что вы не замужем.

- Вы правы. Я вдова. Эта лавка принадлежала моему мужу. Пришлось оставить работу учительницы начальных классов и заняться торговлей.

- Ну, раз вдова... Может быть, вдова пригласит интересного и умного мужчину, действительно тайного советника на чай? Заварку, сахар, и всё прочее можете упаковать прямо сейчас. Я плачу.

- Господин тайный советник, я вынуждена вас огорчить. Во-первых, я люблю другого. Во-вторых, наш город невелик, и пустые разговоры соседей очень часто опасны для женщины, особенно для вдовы.

Это была пощёчина, и очень сильная. Господин тайный советник не привык к отказам со стороны женщин, особенно, когда инициатива исходила от него. Очень многие дамы своим кокетливым поведением и намёками пытались спровоцировать богатого и влиятельного тайного советника на адюльтер. Но Дмитрий Самсонович очень хорошо разбирался в женской психологии, и поэтому он был чрезвычайно осторожен в общении с женщинами, опасаясь, что даже лёгкий флирт, переходящий в любовный

роман, будет иметь драматический финал. Здесь же была атака. Для соблазна этой еврейки пошло в ход всё его обаяние, интеллект и жизненный опыт. И надо же!

Неудача! С ним обошлись, как с мальчишкой, как со школяром, который попытался ухаживать за красивой и молодой учительницей.

- Ваш возлюбленный этот долговязый фельдфебель? – с изумлением произнёс господин Менделев.

- Что вы! – Сара улыбнулась, - здесь за женщину совсем некому заступиться. Если бы я была мужчиной, я бы отхлестала его по щекам и вызвала бы на дуэль.

- Я помогу вам. Я вызову его на дуэль. Сегодня же. А сейчас насыпьте мне, пожалуйста, сто грамм кубинского табака, - сказал господин Менделев и положил на прилавок купюру достоинством в десять рублей.

- С вас всего двадцать пять копеек. У меня нет таких больших денег, чтобы дать вам сдачу, - сказала Сара и отодвинула купюру.

- Это аванс, - решительно сказал господин Менделев, - это оплата за табак, который я буду покупать у вас впредь. Это оплата за тот урок, который я сегодня получил, - подумал он про себя.

*

Не спалось и не читалось. От перечитанного на много раз сборника Афанасия Фета «Вечерние Огни» веяло скукой, и нечем было занять себя. И вдруг какая-то неведомая сила подняла господина тайного советника с жёсткого диванчика, заставила одеться, и вытолкнула из жаркого помещения в безлюдье улиц и переулков, над которыми светили тусклые уличные фонари и загадочно улыбалась громадная серебряная луна. Эта сила толкала тайного советника в спину и вела его по заколдованным улицам и переулкам, по глубоким снежным сугробам, вдоль глухих заборов, мимо уснувших одноэтажных деревянных домов. Звёзды блестели, как бриллианты, высыпанные чьей-то щедрой рукой на чёрный бархат неба. Изредка лаяли дворовые собаки, разбуженные то ли от хруста снега, то ли от незнакомого запаха человека, проходящего мимо их владений. Вдруг чья-то узкая и длинная тень перегородила дорогу и заставила тайного советника остановиться. Рядом стоял тот самый фельдфебель, которого господин Менделев встретил несколько часов назад в лавке у Сары. Он барабанил костяшками пальцев в оконные ставни, и угрожающе рычал:

- Сара! Открой! Иначе хуже будет...

- Что вы здесь делаете, господин фельдфебель?

- А вы? – грубо, вопросом на вопрос, ответил фельдфебель.

- Начальство не спрашивают. Начальству отвечают, - внушительно сказал господин тайный советник.

Фельдфебель молчал. Щетинки его рыжих усов поползли вверх, белки глаз лезли из орбит и были похожи на два небольших куриных яйца. Господину тайному советнику стало страшно, и капельки пота пошли по его спине. Но он посмотрел на закрытые ставни, за которыми, наверняка, одна из самых красивых женщин этого мира наблюдала за поединком, происходящим под её окном. Отступить было нельзя, и господин тайный советник, дружеский улыбнувшись, сказал:

- Дружище, я думаю, что ты случайно ошибся адресом. Бордель не здесь. Он через три улицы и направо, и тебе там всегда будут рады.

Фельдфебель молчал. Он не ожидал такого разворота событий, а замедленное мышление не позволило ему нанести быстрый ответный удар. Чувствуя первую, хотя и небольшую победу, господин тайный советник лихо скомандовал:

- Выполняй мою команду, фельдфебель! Кругом! Строевым шагом! В бордель! Шагом марш!

*

-Пришли побеседовать? – Трумпельдор улыбался. Его открытое лицо было спокойно и приветливо.

- Заманчивое предложение, - таинственно прошептал тайный советник. Всё его лицо покрыла доброжелательная улыбка, - Иисус всемилостив, он прощает заблудших, как вы, потому что все они его дети. Креститесь, Трумпельдор, и тогда вам удастся избежать смертной казни. С господином полковником всё обговорено. Решение за вами. Я тоже был евреем. Я крестился.

- Что же вас заставило креститься, господин Менделев? Процентная норма?

- Да. Если бы я не крестился, меня бы не приняли в гимназию, которую я, кстати, окончил с золотой медалью. Я в жизни очень многого достиг. Я богат, уважаем, любим женщинами. Я с ужасом думаю, что было бы со мной, если бы я не прошёл обряд крещения. В лучшем случае я бы стал зубным врачом, или купцом средней руки. Церковь протянула мне руку помощи, и я ответил на рукопожатие рукопожатием. И сейчас перед вами дворянин, следователь прокуратуры, действительный тайный советник второго класса.

Трумпельдор встал с деревянного топчана и прошёлся из угла в угол, и только сейчас господин Менделев понял, насколько этот парень высок, широкоплеч и изящен.

- Господин тайный советник, по процентной норме меня не приняли в реальное училище. Но я об этом несколько не сожалею. Я остался со своим древним и великим народом, который, кстати, дал вам Христа и христианство. И часто, точно так же, как дети ненавидят своих родителей, также и вы ненавидьте народ, который породил Христа. Вы себя тешите иллюзиями, господин тайный советник, но я уверен, что многие ваши друзья вас за глаза называют выкрестом. Богатство?... Истории известны владельцы дворцов, которые были несчастны и одиноки, и кончили жизнь свою на плахе, и никто не пожалел их, а их богатство досталось их же палачам. Я арестован. Возможно, меня ожидает смерть, но душа моя свободна. И даже здесь, в этой камере, она не принадлежит вам. И уже этим я богат. Любовь? С вами кокетничают. Вам строят глазки, есть благородные девицы, которые не прочь затащить вас в свою постель. Но если вы даже женитесь, русская девица всё равно захочет «попробовать» русского мужика, и она будет изменять вам. Нет ничего ужаснее, чем быть рогатым. Я люблю, и я любим так, как вас не полюбит никто и никогда.

- Всё это высокие и красивые слова, Трумпельдор. Действительность сложнее. Зачем вы воровали винтовки? Вам нужны были деньги для подарков своей возлюбленной?

- Это навет. Кто-то очень сильно хотел посадить меня, и ваша задача, господин следователь, найти этих людей. Если вы, конечно, профессионал.

Господин Менделев задумался. Он чувствовал, что Трумпельдор прав, и ему очень хотелось верить этому человеку. И разгадка пришла сама собой. Так бывает, когда мучительно долго решаешь шахматную, или математическую задачу. И вдруг ты понимаешь, до чего же всё просто и элементарно.

- Скажите, ваша возлюбленная, Сара? Хозяйка торговой лавки? -

Трумпельдор молчал. Господин Менделев с силой ударил себя ладонью по лбу:

- Болван! Как же я сразу не догадался! Здесь всё так просто!

*

Когда господин тайный советник, едва вошёл в кабинет полковника Деянышева, он сразу понял, что его здесь с нетерпением ждут. Штабные офицеры курили, и их разговоры крутились вокруг кражи винтовок. Все обвиняли Трумпельдора. Никому в голову не приходила мысль, что этот человек невиновен.

- Он уже признался? – с надеждой спросил господин полковник, встав со стула.

- Мне необходимо срочно осмотреть помещение, в котором квартируется господин фельдфебель, - тайный советник показал пальцем на очень высокого и худого человека, который стоял рядом с полковником.

- Не имеете права! У вас нет ордера на обыск! – лицо фельдфебеля покраснело, его лоб покрылся капельками пота, а проволочные щетинки рыжих усов пошли вверх, как усы у кота, когда тот начинает шипеть на лающего на него пса.

- Да. Ордера у меня нет. Это займёт время. Но я вправе выписать постановление на досмотр помещения. Вот оно, - сказал господин тайный советник и подал полковнику вырванный из блокнота лист.

- Господин фельдфебель, - сказал полковник, внимательно осматривая поданный ему листок, - закон не нарушен, формальности соблюдены, пожалуйста, проводите нас в занимаемое вами помещение.

*

Небольшое окно, покрытое толстым слоем пыли, почти не пропускало дневной свет, поэтому над комнатой, которую занимал фельдфебель, и над нехитрой мебелью висел таинственный полумрак. Господин тайный советник оглядел комнату. Фанерный, обклеенный обоями шкаф, узкая солдатская кровать, заправленная походным одеялом, три табурета, тумбочка и покрытый клеёнкой в цветочках стол.

Неужели ошибка? Если да, то придётся ещё раз допросить Трумпельдора.

- Откройте шкаф, господин фельдфебель.

- Пжалста.

Распахнутая дверь обнажила убогое содержимое: небольшой фибровый чемодан, пара парадных сапог из хорошей кожи, кальсоны, майки, полотенца, парадный мундир и полевая шинель. Всё! Винтовок в шкафу не было. Господин Менделев подошёл к кровати и откинул лёгкий матрас и одеяло. Под туго натянутыми пружинами пустота. Ноги господина тайного советника мигом потеряли силу и стали ватными, стоять не было сил, и он опустился на стоящую рядом кровать. Офицеры, стоящие в дверном проёме, улыбались, и иногда слышался их прерывистый смех. Вид у полковника был виноватый, и он старался не смотреть в сторону господина тайного советника. Фельдфебель с иронией поглядывал на господина Менделева и ждал, что же будет дальше. Губы господина тайного советника пересохли, и он подошёл к окну, чтобы глотнуть струю свежего зимнего воздуха. Но что это? От оконной рамы к земле тянется верёвка, и её конец уходит в высокий, лежащий под самым окном, сугроб. Господин Менделев вцепился ладонью в обледеневший канат, и потянул его на себя. Но сил явно не хватало. Канат не шелохнулся. Неожиданно чьё-то плечо прижалось к плечу господина Менделева, а ладонь, стянутая коричневой лайковой перчаткой, оказалась ниже его руки:

- Раз, два, три! Тянем! – услышал господин Менделев около своего уха простуженный бас полковника.

Верёвка медленно поползла вверх, сугроб раздвинулся, выпуская из своего нутра тяжёлый, скрученный алюминиевой проволокой мешок. Груз медленно поднимался к окну, и когда мешок коснулся края оконного проёма, оказавшиеся рядом штабные

офицеры, осторожно втащили его в помещение и начали развязывать верёвки и раскручивать проволоку. Возгласы удивления заполнили небольшую комнату. Кто-то ахал и охал. Кто-то, не веря своим глазам, дотрагивался до содержимого мешка пальцами и говорил:

- Надо же!

Господин полковник достал из кармана кителя швейцарский перочинный нож и резким движением руки разрезал мешок, в котором лежали, крепко связанные, трёхлинейные винтовки системы Мосина. Все пять.